

СУДЬБА ОДНОЙ МЕТАФОРЫ: ОТ Ф. ТЮТЧЕВА ДО Ю. ЛЕВИТАНСКОГО

Исходным моментом наших рассуждений является знаменитая тютчевская метафора, универсальный характер которой основан на началах романтического пантеизма. Эта всеохватывающая метафора жизненной объемности и жизненной динамики преодолевает любые категориальные границы, в том числе, и философско-пантеистические, наделяя предметы "плавкостью", органикой преобразования. Н.Я. Берковский акцентировал свободу тютчевской метафоры: "Метафора у Тютчева готова развернуть свои силы в любом направлении, не боясь, что ей станут сопротивляться" [1, с.17]. Преодоление заложенных в той же органике противоречий осуществляется, по Н.Я. Берковскому, посредством реализации принципа беспредельной свободы. "Поэтический язык Тютчева, – пишет исследователь, – это бесконечный обмен образа на образ, неограниченная возможность подстановок и превращений" [1, с.15]:

Дума за думой, волна за волной –
Два проявленья стихии одной...
[2, с.179]

Еще нагляднее – способ развертывания этой метафоры в лирический сюжет:

Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
Льдина за льдиною плывет.

На солнце ль радужно блистая
Иль ночью, в поздней темноте,
Но все, неизбежимо тая,
Они плывут к одной метй.

Все вместе – малые, большие,
Утратив прежний образ свой, –
Все – безразличны, как стихия, –
Сольются с бездной роковой!..

О, нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое Я,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?
[2, с.173]

Манифестируемая ученым *свобода* метафористики Тютчева словно сама собой прогнозирует возможность многообразных подходов к его поэтическому слову. В частности, в анализе Н.Я. Берковского присутствует, наряду с другими, и социологический подход: прямая мотивация поэтики Тютчева тенденциями так называемой "буржуазной" эпохи (статья опубликована в 1962 г., но по стилистике и методу представляется более ранней). Такой подход делает вероятным образование новой поэтической топике в произведениях тех, кто актуализирует поэтику Тютчева в общественном контексте *своего* времени, смещая акцент на возможности собственного прочтения – не настолько расходящегося с Тютчевым, чтобы сделать поэта неузнаваемым, но и не в такой степени аутентичного, чтобы утратилась злободневность реалий настоящего дня. Создается и сопутствующий такой стилистике литературоведческий язык – если употребить выражение Л. Ржевского, определяющий явление "своими – и не своими – словами..." [3].

Социальность (иногда с классовым оттенком) в трактовке Тютчева проявляется в той перекодировке, к которой прибегают советские поэты, например, М. Светлов. Образ "коня морского" мелькает в стихотворении 1925 г. "На море" [4, с.15-18]:

Там взволнованно проплыла
Одинокая рыба-пила
И четырнадцать рыб за ней
Оседдали морских коней

Дерзкий вызов рациональным попыткам управлять стихией и предостережениям не увлекаться "несознательной" волной отзывается в полемике со строгим "молодым марксистом":

Окатила его сполна
Несознательная волна.
Он – ученый со всех сторон –
Поведеньем волны смущен.

И кричит и кричит мне вслед;
– Ты погиб, молодой поэт! –
Дескать, пробил последний час
Оторвавшемуся от масс!

Романтика революционного дерзания претендует не только на то, чтобы слиться со стихией, но и на то, чтобы одолеть ее, напитавшись ее же живыми силами, и затем уже вместе с ней продолжать движение, без мысли о гибели отдаваясь восторгу неутомимой погони и борьбы:

Ветер с лодкой вступил в борьбу,
Я навстречу ему гребу,
Чтоб волна уйти не смогла
От преследования весла.

В ситуации 1950-х годов тютчевская метафора наделяется другими свойствами: из нее, по сути, изымаются силы естества, несмотря на то, что эпитет "живая", к примеру, в стихотворении М. Светлова "Здравица" (1952) [4, 155-156] остается ведущим и по-прежнему формально первенствующим:

Несись, моя живая капелька,
В коммунистической волне!

Этот призыв как будто исключает гибель в статике, в архивной пыли, в отрыве от несущихся к коммунизму масс. (Не это ли метафорическое действие, укрепленное идеологией, в свое время послужило материалом стихотворных пародий И. Ильфа и Е.Петрова в "Золотом теленке":

Железный конь *несет* вперед
Истории скок взметать,
Семью трудящихся *несет*
Ошибки выявлять.

[5, с.569]?

Эпитет "живая" в стихотворении М. Светлова исключает тютчевскую диалектику смерти и бессмертия своей риторической номинальностью, бессилием относительно прорастания из него бытийного лирического сюжета. Поэт и сам – возможно, невольно – склоняется к парадоксу, отказываясь от истории как от прошлого, которое полностью утратило свою продуктивность, отдав позитивную энергию текущему настоящему:

*Не рукописью в старом шкапике,
Не у Истории на дне, –
Несись, моя живая капелька,
В коммунистической волне.
(Курсив мой. – Н.В)*

Ода поэта Волго-Дону и аналогичным свершениям социалистической индустрии с характерным заглавием "Живая вода" (1952) [4, 157-158]:

Ты тогда предстанешь пред народом
Не совсем обычной, не простой
Дружбой кислорода с водородом,
А союзом действия с мечтой...

– словно удостоверяет союз воды с человеком как явление заведомо бесспорное, предрешенное, фактически состоявшееся. Слияние хаоса и космоса, интенций частного и общего здесь уже не взаимнообратимо, не подвижно и не свободно – оно исключает драматизм общих судеб живого и неживого и предполагает тождество, плод рациональной идеи слитности человека с государством; не возрождение в гибели, а миф о нескончаемом торжестве жизни в "союзе действия с мечтой".

С другой стороны, трагическая расщепленность тютчевской рефлексии в определенных условиях оказывается сродни раздробленности бытия человека 50-х годов, которая может познаваться и осознаваться опосредованно. Именно такое "воссоединение" Тютчева с современностью – при сохранении идеальной целостности и самодостаточности его поэтического образа – находим в статье Н.Я Берковского (появление так называемого *общежизненного* литературоведения, не совпадающего с академическим, возможно, связано с указанной тенденцией - говоря пушкинскими словами, с намерением "вышивать" "по старой канве... новые узоры" – 6,50). "Главнейшая духовная коллизия Тютчева", как она очерчена в статье, одновременно прочитывается и как "главнейшая" коллизия эпохи социализма: она состоит "в вечном ропоте "возможного" против "действительного", в вечных столкновениях между стихией жизни как таковой и формами, которые были указаны ей на ближайший день историей" [1, с. 13]. Сравним с замечанием Л.Я.Гинзбург: "Человек XX века, не знающий, что именно случится с ним завтра, представляет себе зато, что ждет его через год, через десять и двадцать лет" [7, с. 191-192].

Тютчев вовлекается в иноприродный контекст не с точки зрения типологии, а относительно иных, пожалуй, именно в Тютчеве заключенных законов взаимнообратимости и свободного скольжения. Это позволяет исследователю, как и другим его современникам, например, литераторам-эмигрантам Н. Моршену и Л. Ржевскому, поэту Ю. Левитанскому "отождествляться" с тем, что отражает их сегодняшний "момент движения", в чем-то совпадающий по творческим возможностям с тютчевской художественной эстетикой и, по мере необходимости, своеобразно модифицирующий ее. Перевоплощаясь, соответствующая метафористика может приближаться к своему источнику либо отвлекаться и осязательно удаляться от него.

Примером тесного сближения является стихотворение Н. Моршена "Ночь на взморье", описательность которого, несомненно, тяготеет к узнаваемым формулам:

Развивается цепь соразмерных причин,
Увлеченных единою целью.
Блещет небо всей мощью подвижных пучин,
Ворожа над морской колыбелью.

Отразилась луна на приливной волне,
Порожденной ее притяженьем,

Хоть не знает вода ничего о луне,
Ни луна о своем отраженьи.

И волна за волной, и звезда за звездой
Набухают в просторах вселенной,
И в латунные дюны швыряет приборой
Залпы грохота, соли и пены.

Этой звездносоленою смесью дыша
И колебля пытливого пламя,
Вдаль уходит, уходит, уходит душа,
Как свеча меж двумя зеркалами.

[8]

Иное, не "тютчевское" море в стихотворении Н. Моршена "Сегодня тихо на море" в конечном счете рождает все-таки соотносимый, перекликающийся с ним образ:

Такое облегчение,
Как будто бы и я
Единого течения
Послушная струя.

[9]

В "оптимистической повести" Л. Ржевского "... показавшему нам свет" (1960) приговоренный врачами к смерти главный герой, бывший советский офицер Вятич, находясь в госпитале в Восточной Баварии, остро чувствует "плавающие" "флюиды" вечности, к которой он причастен как отщепенец и как умирающий человек. В то же время тютчевская метафора льдин, плывущих "к одной метй", накладывается на современные исторические реалии, которые нивелируют всех людей, унося их "в никуда": "Люди на льдине, дрейфующей в никуда, мои земляки и друзья по несчастью, робинзоны и пятницы..." [10]

Трагедию современного человека Н.Я. Берковский, не говоря о ней, передает в статье о Тютчеве: "Личное сознание, которое человек носит в себе, становится для него болезнью и бесполезностью: "О нашей мысли оболщенье, Ты, человеческое я". Оценка личного существования колеблется в таких стихотворениях Тютчева, как "Листья", как "Конь морской". Листья – "легкое племя", им жить одно лето, зато у них свежесть, зато у них краса. Конь морской – волна морская, вечно меняющая свой образ, с тем чтобы уйти в море, в вечную его безбрежность. Тютчев, очевидно, ценит здесь краткость личного существования: краткое – интенсивно. Но Тютчев думает и о другом: жизнь природы циклична, листья рождаются, умирают и вновь рождаются, волна возникает, рассыпается и опять возникает, и не лучше ли оставаться в природе с ее чередованием жизни и смерти, чем купить себе личность, как это делает человек, ценою того, чтобы рождаться однажды и умирать тоже однажды и навсегда" [1, с.31].

Думается, речь должна идти не о подтексте, хотя, как кажется, отзвуки сталинской эпохи – равно как и "оттепельные" настроения, которые выразились, по преимуществу, в признании самоценности поэтического слова (на другом языке – самоценности неповторимой личности, однажды рождаемой и однажды покидающей этот мир) – здесь ощутимы. Речь может идти, скорее, об опосредованных преломлениях в разном историческом времени вечного дуализма объективно "впаянной" в эпоху, но при этом и "покорной общему закону" (А.С. Пушкин) естества человеческой судьбы. Именно это делает возможным соположение и образное схождение явлений, разобщенных как во временных, так и в эстетических обоснованиях. Схождение такого рода подчинено, тем самым, не столько телеологическим закономерностям, сколько интуитивно-познавательным интенциям, исходящим от разных субъектов сознания, как-то причастных поэтическому комплексу переживаний, открываемых и переусваиваемых ими в первоисточнике.

То, что у Тютчева находится в подвижном равновесии, проецируется Н.Я. Берковским и некоторыми его современниками на ситуацию неизбежного морального выбора, актуальную для нравственного "климата" текущей эпохи. Перед ним оказывается и автор (*alter ego* своих героев) в романе Л. Ржевского "...показавшему нам свет". Несмотря на трагизм общей жизненной ситуации в условиях тоталитаризма и военных лет, он предпочитает все же непредсказуемость и нелогичность индивидуальной судьбы систематической "универсальности", ведущей всех без различия к одному пределу: "Всякий универсализм в философии пренебрегает поправками на отдельного человека... <...> последовательное размышление о жизни неизбежно приводит к ее отрицанию" [10].

Герою повести Л. Ржевского "Паренек из Москвы" (1958) принадлежит и определение *запретительный реализм* относительно *последовательного* социалистического реализма [3]. Именно его, как кажется, реализует Ю. Левитанский в известном стихотворении, где Я даже графически выведено из общего ряда – тем, что по-тютчевски гибко и непоследовательно введено в него:

(Я неопознанный солдат.
Я рядовой. Я имярек.
Я меткой пули недолет.
Я лед кровавый в январе.
Я прочно впаян в этот лед -
я в нем, как мушка в январе.)

Четкость самооценки оказывается, однако, не абсолютной, возрождение в гибели – не только как идея, но и как материальная данность – создают неделимый тютчевский образ "возможностей жизни, не поглощенных ее действительностью" [1, с.27]. Поэтому:

(Уже меня не исключить
из этих лет, из той войны.
Уже меня не излечить
от той зимы, от тех снегов.
И с той землей, и с той зимой
уже меня не разлучить,
до тех снегов, где вам уже
моих следов не различить.)
[11, с.478]

В статье "О творчестве Анны Ахматовой" (1969) В.М. Жирмунский высказал мысль, на которую, стремясь уйти от догматики, ориентировались, по-видимому, поколения 50-60-х годов: "Всякое большое поэтическое явление, всегда трудно объяснимое в своей творческой неповторимости, легче истолковать путем сопоставления с другими, даже если они не могут претендовать на роль прямого "источника" для творчества поэта" [12, с.241]. Л. Ржевский оттолкнулся от этой мысли в литературоведческой работе "Прочтение творческого слова": "Эстетическому раскрытию способствует, несомненно, и сопоставительное рассмотрение творческого факта с творческими же "смежными", если оно опирается на внутреннее единство контрастов и аналогий..." [13]. Речь, по-видимому, идет об уникальном схождении в отдельных "фокусах" истории нетипологических отражений некоего универсального прообраза. Движение литературы во времени показывает, что бытование так называемых "слов-сигналов", равно как и "сигнализирующих" о своем воспроизведении метафор, реализуется лишь при условии "обратной связи", причем, чем изменчивее, полнокровнее, многообразнее эта связь, тем долговечнее и прочнее, как в случае с тютчевской метафорой, бытие первоисточника.

Литература

1. Берковский Н.Я. Ф.И. Тютчев // Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений / Сост., подг. текста и примеч. А.А. Николаева. Л., 1987.
2. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений / Сост., подг. текста и примеч. А.А. Николаева. Л., 1987.
3. Ржевский Л. Паренек из Москвы // http://magazines.russ.ru/nov_yun/2005/73/rzh14.html
4. Светлов М. Стихи и пьесы. М., 1957.
5. Ильф И.А. и Петров Е.П. Двенадцать стульев. Золотой теленок. Орджоникидзе, 1979.
6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений; В 16 т., 1937 - 1949. Т.8.
7. Гинзбург Л.Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002.
8. <http://imho-news.ru/virshi/old/texts/morshen/morshen.htm>
9. <http://lukomnikov-1.livejournal.com/498786.html>
10. http://www.belousenko.com/books/russian/rzhevsky_svet.htm
11. Русская поэзия. XX век: Антология / Под общей ред. В.А. Кострова. М., 1999.
12. Жирмунский В.М. О творчестве Анны Ахматовой // Новый мир. 1969. №6.
13. <http://lit/1september.ru/2001/03/lit05-12.htm>